

УОРХОЛ, КАКОГО ЧЁРТА? 1

Я всегда знала, что в каждом коте скрывается тигр. Но не думала, что это следует понимать настолько буквально!

Поэтому, когда кот по имени Уорхол, взятый мной из приюта меньше месяца назад, вдруг начал расти и менять окрас, челюсть моя отправилась в далёкое путешествие по вертикали вниз, а сердце забилось, как тысяча гонгов в долине Ганга.

— Уорхол, какого чёрта? — застыла я, от неожиданности расплескав кофе.

Дело было у меня дома, в просторной светлой студии, выходящей окнами на зелёный двор. Сонная и крайне раздражённая, какой я всегда и бываю до наступления полудня, я шла от кофемашины к ноутбуку, чтобы приступить к созданию очередного онлайн-урока по истории западноевропейского искусства.

И вдруг начались такие... чудеса.

Кот, валявшийся в гардеробной и упоённо точивший когти о комод с туфлями, сначала тихо мяукнул, а потом вдруг зарычал. Его белая шерсть

окрасилась в рыжий с яркими чёрными полосами, килограммы начали набегать, как в страшном сне старлетки, а зубы отросли, будто кинжалы. Но взгляд у Уорхола оставался всё тем же: меланхолично-циничным взглядом помойного жителя, не так давно обретшего благополучие (надеюсь) в моей квартире.

И ладно бы странности с котом, но гардеробная ещё и наполнилась пением.

Хор низких мужских голосов, доносящихся неизвестно откуда, пел а капелла на неизвестном мне языке. Это точно была не латынь (гарантирую, ибо сама я *exegi monumentum* знаний в университетские годы), но явно что-то, обладающее таким же багажом аллюзий. По-настоящему древние языки нельзя не признать: в каждом их звуке — угасшие жизни поколений, кровопролитные войны, смерти, клятвы, мольбы и предательства...

В иных обстоятельствах я бы с интересом вслушалась в мелодику языка — и сами голоса, и песня были чарующими, поистине колдовскими, — но в тот момент сюрреализм ситуации заставил меня лишь безмолвно таращиться на происходящее всё расширяющимися глазами.

Подвесной потолок гардеробной заходил волнами, а по полу пополз багровый туман. Шкафы с одеждой мелко затряслись, от страха отплёвываясь вешалками. Кот продолжал превращаться в тигра, пение становилось всё громче, и я, глядя на всё это, поняла, что стремительно перестаю быть скептиком.

В сердце стучало и горячило кровь лишь одно слово: *магия*.

...Вокруг кота вспыхнул огненный контур пентаграммы.

И тогда что-то во мне переклинило. Нет бы продолжить стоять столбом или отойти, не мешая тёмным силам делать своё странное дело, или, на худой конец, заснять всё на видео и отправиться с этой записью либо к психологу, либо в социальные сети, а лучше всего — и туда, и туда разом.

Нет. Вместо этого я выругалась, с грохотом брякнула чашку о стол, перепрыгнула пробивающийся прямо из пола огненный всполох и вытолкнула удивлённого кошака-тигра наружу.

Чёрт его знает, зачем я это сделала. И почему бывший Уорхол мне это позволил вместо того, чтобы свежесобранными зубами откладывать мне что-нибудь важное. Голову, например (впрочем, и без того явно потерянную).

Однако Уорхол вывалился прочь из пентаграммы, а вот я осталась стоять в её центре, уперев руки в колени и несколько отстранённо отмечая, что пламя поднялось высоко-высоко, почти до потолка, но почему-то не поджигает шкафы. И правильно делает. Молодец пламя. Так держать.

Наконец загадочное пение оборвалось, сменившись звонким ударом, — так на аукционах молоточками долбят «Продано!» — только гораздо жёстче.

Мир вспыхнул и потух.

Какое-то время я пребывала в благословенной тьме. Кажется, я висела где-то, в каком-то пространстве, инстинктивно свернувшись в клубочек, как эмбрион. Верха или низа здесь не было; света и звука — тоже. Я ничего не видела и не

слышала — только чувствовала, как зубы отбивают рваный панический ритм, а руки обхватили колени так крепко, что, кажется, их не смог бы разжать и титан.

«Вилка, ты просто бестолочь, — обречённо подумалось мне. — В следующий раз досчитай до десяти, прежде чем что-то предпринимать. Хотя нет, так ты станешь чересчур тормознутой для экстренных ситуаций... Ладно, тогда просто смирись с этой ролью: бестолочь. Приз за отсутствие инстинкта самосохранения уходит тебе».

Пока я себя то ли чихвостила, то ли утешала, в темноту закрался странный скрипучий голос.

— И да станет сия сущность сосудом для сил ваших, сир, отныне и во веки веков, пока смерть её не разделит вас, — провозгласил он торжественно. — И да будете вы заботиться о сущности сей, и да будет она поддерживать вашу мощь, жизнь свою положив на благо ваше. Аймен!

— Аймен, — ответил ему другой голос, куда моложе.

— Вы готовы узреть своего фамильяра? Он уже в межпространстве, ждёт встречи с вами.

— Я готов.

— Узрите!

И тут же я ощутила, как в моё бытие возвращается гравитация — лучше бы свет, честное слово, — и полетела вниз, визжа и кувыркаясь, а потом шлёпнулась животом на холодный мраморный пол. Удар чуть не вышиб из меня дух, но я всё же нашла в себе силы кое-как перевернуться: тому изрядно способствовали разрозненные возгласы удивления и парочка криков гнева.

Я снова лежала в центре пентаграммы. Но на сей раз не у себя дома, а в огромном тёмном зале со сводчатым потолком. Идеальный образец пламенеющей готики. Любо-дорого посмотреть! Причём не церковь, что обычно первым приходит на ум, а библиотека: бесконечные шкафы из красного дерева, изящные лестницы, узкие витражные окна с изображениями ключей и свитков, низкие лаковые столы и кресла из потёртой кожи.

Но в них никто не сидел, нет. Никто не читал под светом зелёных ламп.

Все присутствующие, а их было немало, стояли вокруг меня толпой и, кажется, готовились дружно рухнуть в обморок.

— *Это ещё что такое?!* — выдохнул старик в мантии, находившийся ближе всех к пентаграмме.

Судя по всему, это его голос произносил прежде странную, будто свадебную, клятву.

— Вот и мне интересно, мастер Говерик. Потому что всё выглядит так, будто это — мой фамильяр, — напряжённо изрекли где-то у меня над затылком.

А ЖИЗНЬ ВООБЩЕ НЕСПРАВЕДЛИВА 2

Я кое-как села и обернулась, чтобы увидеть говорившего.

Стоило мне сделать это, как огонь принялся расти вверх и вширь, пытаясь отсечь меня от окружающих. Одновременно с этим премудрый старец и ещё несколько особо трепетных личностей пря-

нули в стороны, делая какие-то размашистые жесты руками – своеобразный аналог христианского креста.

А вот человек, заявивший, что я – его фамильяр, никуда не двинулся. Даже не шелохнулся, невозмутимо продолжая стоять прямо на полыхающей границе, тогда как остальные находились снаружи. Огонь жадно облизывал его со всех сторон, заключая в трепещущую алую рамку, но не причинял видимого вреда. Щурясь от света и обещая себе устроить истерику попозже, а пока – собрать максимум информации о происходящем, я разглядывала незнакомца. Он – меня.

Он был молод, лет двадцати пяти, наверное. Стоял, скрестив руки на груди, выдвинув одну ногу чуть вперед и подозрительно прищурившись. Высокий. Подтянутый. Темноволосый и слегка растрёпанный, хотя мой глаз, намётанный на уход за собой, видел: парень честно пытался пригладить это безобразие разными лаками, но оно так же честно вырывалось наружу.

Он был одет в шерстяной костюм английского покроя: брюки, рубашка и жилетка с твидовым галстуком, спрятанным под неё. На груди юноши поблёскивал латунный значок в форме какого-то герба, который мне никак не удавалось толком рассмотреть из-за пляшущих вокруг языков пламени.

Возможно, он студент? Аспирант? Что-то ещё в этом духе? Всё вокруг атмосферой напоминало старый добрый Оксфорд.

– Ты не похожа на тигра, ммм? – сузил глаза незнакомец, постукивая круглым мыском ботинка по мраморным плитам.

Если старики боялись меня, то он, очевидно, пребывал в глубочайшей задумчивости из-за случившегося. Но на меня всё равно априори смотрел как на врага — видимо, на всякий случай. В целом в его манере двигаться и одеваться явно прослеживался сдержанный характер, сейчас обратившийся неприятной ледяной замкнутостью.

— Мой кот тоже не был похож на тигра, пока вы его не извратили, — тряхнув головой, в тон отозвалась я. Потом соскреблась с пола, мимоходом отметив, что никаких лингвистических проблем у нас с местными жителями не возникло.

Хотя стоило мне задуматься об этом, как меня защекотало странное и неуютное ощущение того, что на самом деле я говорю на каком-то совершенно ином языке, не соответствующем ни одному из земных наречий. Просто в моём мозгу появился фильтр — шустренький и трудолюбивый, переводящий всё так быстро, что я не успевала даже замечать его работу...

Между тем пламя поднялось ещё выше, но я уже определила для себя, что оно безвредно. Поэтому, прижав руку ко лбу, я шагнула вплотную к огненной стене, в противоположную сторону от парня, желая получше рассмотреть происходящее снаружи:

— Кто вы такие?

— Дерзновенная! — хором завопила стоящая снаружи толпа старикашек, отшатываясь ещё чуть дальше и «крестясь» ещё энергичнее.

Я вдруг заметила интересный момент — у них у всех с собой были животные. Те, что поменьше — крысы, белки, ящерицы и птицы, — сидели на плечах хозяев или выглядывали у них из карма-

нов. Те, что побольше — коты, собаки, лань (лань! ничего себе!), мангуст и что-то вроде птеродактиля на диете, — сидели рядышком на полу и честно скалили на меня зубы.

— О господи... Только не говорите, что мы в «Северном сиянии» Филипа Пулмана, — я вновь обернулась к молодому человеку: он единственный пока сохранял спокойствие.

Нехорошее, ледяное, но всё же спокойствие.

— Где? — ещё на пару градусов холоднее переспросил он, щелчком пальцев стряхивая со своего плеча совсем уж наглый огненный язычок.

— В книге про людей, чьи души спрятаны в животных. Британское фэнтези, — уже жалея, что завела эту бесперспективную тему, вздохнула я.

С парня вдруг как рукой сняло всю его недоступность. Он вполне по-человечески, живенько так застонал, расплетая руки на груди и вцепляясь ими в волосы.

— Ты что, с Земли?! — простонал он на сей раз со словами, так убито, что я устыдилась.

— Она с Земли?! — паническим эхом отозвались старикашки, уже столпившиеся где-то вдалеке, на выходе из условной библиотеки.

Только тот, которого звали Говерик, остался маячить рядом, как очень виноватый осёл. Из рукава его пиджака выглядывала озадаченная змейка.

То, что все они знали нашу планету, одновременно утешало и озадачивало.

— Ну да, — я растерянно нахмурилась. — Оттуда.

— Второй землянин в университете... — пробормотал колдун Говерик. — Мы этого просто не выдержим! Они же невыносимы!

— Кто, мать вашу, настроил телепорт на Землю?! — тут же вспыхнул какой-то старичок поодаль. — Мы не работаем с этими козлами!

— Я-я-я-я... — донеслось совсем издали. — Там лучшие тигры, и я подумал, что...

— Нам конец!

— А что с ней делать-то?!

— Дайте мне валерьянку!

— Простите, ну простите!...

Шум поднялся невообразимый.

Я, в первый момент совсем растерявшись, теперь поджала губы:

— Может, вы всё-таки объясните мне, где мы и что происходит?

Все мгновенно замолкли и вновь уставились на меня с опаской и недоверием, но на мой вопрос никто не спешил отвечать. Прошло несколько томительных секунд, пока наконец парень, чьего имени я так и не узнала, легко шагнул вперёд и неожиданно оказался прямо передо мной.

— Объясняю, — донельзя мрачно сказал он, положив руки мне на плечи. Я, ошарашенная его внезапной близостью, попыталась спастись в языках трепещущего за спиной пламени. Стало ещё хуже: огонь, весело запрыгавший вокруг нас, лишь добавил жуткую нотку преисподней в атмосферу нашей беседы. — Если коротко, то у тебя огромные проблемы.

— Почему?! — опешила я. — Потому что я явилась вместо тигра? Так это же вы меня вызвали! Сами!

— А жизнь вообще несправедлива, — проворчал незнакомец и вдруг очень нежно провел рукой по моей шее.

Касание было настолько деликатным — будто пёрышком, — что у меня невольно перехватило дыхание.

— Dorenmi, — проговорил юноша, и я уснула, упав ему на руки.

3 У БОЛЬНИЦ ЕСТЬ ЗАПАХ

У больниц есть запах — и с этим согласятся не только те, кто лежал в них или навещал там кого-нибудь, но даже те, кто просто видел их в кино. Этот запах проникает сквозь экран. И сквозь миры, судя по всему, тоже.

Я поняла, где нахожусь, ещё до того, как открыла глаза.

А открыв их и увидев, что меня окружает, убедилась в правильности своего вывода: белые, туго затянутые койки, шкафчики, полные склянок с лекарствами, и хорошенькая медсестра в крахмальном наряде и чепце с полями, загнутыми, как крыша пагоды. Меня по-прежнему окружало такое же царство готики, как и в библиотеке, но здесь интерьер был выполнен в светлых тонах.

— Привет, — кивнула мне медсестра.

— Привет, — ответила я. — Жутковато, что ты стояла тут и смотрела, как я сплю.

— Это моя работа, — просто сказала девушка и присела на краешек кровати.

Вблизи стало видно, какое симпатичное у неё лицо: типаж Энн Хэтэуэй. Глазищи огромные,

губы улыбочивые, и что-то вроде сострадания (что совсем не лишнее для медсестры) сквозит в общем облике.

В руках она держала фарфоровую чашечку с таблетками.

— Меня зовут Мэгги, — представилась медсестра.

— Я Вилка.

Она непонимающе нахмурилась:

— Столовый прибор?

— Нет, Виолетта.

— Фиалка?

— Хм. Ещё можно Ветка — это тоже сокращение, — но, боюсь, и оно тебе не понравится, — немного смешалась я.

— Мне всё нравится! — энергично запротестовала Мэгги и накрыла своей ладонью мою. — Особенно то, что ты с Земли. Я просканировала твой мозг, твоё прошлое — таково было задание от ректора, — и я в полном восторге. Люблю землян, хотя 99% жителей университета со мной не согласятся.

Я села в кровати, и Мэгги тотчас отобрала у меня подушку, чтобы взбить её как следует. Честно говоря, она слегка пугала меня своим дружелюбием.

— Мэгги, может быть, хоть ты расскажешь мне, что тут случилось? — вздохнула я, устало потирая глаза.

На моих пальцах мерцали какие-то невесомые, похожие на пластиковые перстни с переливающимися кристаллами. Кажется, местные аналоги измерителей кислорода и прочих больничных датчиков.

Ещё меня переодели. Ни любимых джинсов, ни свободной белой рубашки, в которой я распеваю по дому, ни тапочек с помпонами.

Вместо этого на меня надели огромную ночнушку-колокол белого цвета. Приподняв одеяло, я увидела, что по подолу идут нарядные рюши. И волосы — мои русые волосы заплели в то, что называют колоском. Коса щекотала мне шею и доходила до груди.

Пока я с миной недовольного покупателя оценивала свое преобразование, Мэгги сбегала за кофе. Потом снова села на край кровати и — ура! — заговорила:

— Мы находимся в магическом университете под названием Форван. Это самое замечательное учебное заведение для магов в нашем мире. А наш мир называется Гало, но ты вряд ли о нём слышала: от Земли до нас далеко, а у вас ведь нет магии.

Я вспомнила свою соседку — предприимчивую старушку Клавдию, продающую всем расклады Таро и называющую плату за это не «ценой», а «обменом энергией». И приятельницу Михаэлу, голодающую по тридцать дней, чтобы распахнуть наконец-то все семь чакр сразу и телепортироваться прямым ходом в Убуд.

— Магии нет, — подтвердила я.

— А у нас есть. А ещё, хотя мы сами пока и не особенно умеем путешествовать в другие миры, мы уже научились вызывать из них предметы и фамильяров. Фамильяры — это магические животные, которые содержат в себе часть нашей магической силы, чтобы давать нам её, когда нужно.

Одновременно с этим отданная фамильяру сила постепенно копится в нём, по чуть-чуть...

— Это как вклад в банке с частичным снятием? — прикинула я.

Не то чтобы я не знала, кто такие фамильяры — фэнтези я в своё время перечитала немерено. Но лучше уточнить: не всё и не всегда во вселенной идёт по канону. И слава богу.

— Именно! Как вклад! — радостно согласилась Мэгги. — То, что дано фамильяру в момент призыва, колдун не может забрать обратно — в этом случае фамильяр умрёт. Но остальную силу можно вкладывать и забирать без проблем. Так, в тебе теперь есть часть энергии Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего.

— Кого? — опешила я от столь громкого имени.

Мэгги надулась и повторила с такой интонацией, будто отчитывала меня:

— Артура Ван Хоффа Эдинброга Третьего — лучшего студента нашего университета.

— Это такой взъерошенный красавчик?

— Да, — Мэгги заулыбалась. — Ему должны были вызвать волшебного тигра, а получилось тебя. Это плохо: теперь вы связаны, и пока эту связь не разорвёшь, Артур не сможет получить нового фамильяра. У всех зрелых магов есть фамильяры — это традиция, а уж в случае Артура... — она запнулась, подбирая слова. — В случае Артура это особенно важно.

— Почему? — Я нахмурилась. — И почему у тебя самой нет фамильяра?

Мэгги изящно проигнорировала первый вопрос, но на второй ответила:

— Я учусь на четвёртом курсе, на кафедре целительства. А фамильяров мы получаем в конце пятого года обучения. Нам даётся несколько недель на то, чтобы привыкнуть к ним, после чего уже с фамильярами сдаются финальные экзамены. Без фамильяров — не вариант.

— Так, ладно. И что теперь делать? Как порвать нашу с Артуром связь?

— Ну, проще всего тебя убить, — улыбнулась Мэгги. — Сейчас принесу тебе каталог возможных вариантов казни, выберешь по своему вкусу.

4 ПРОСТЫХ ПУТЕЙ НЕ ИЩЕМ – И СЛАВА БОГУ!

Я много раз видела в интернете ролики, где люди под действием адреналина делают чудные вещи: поднимают машины, бегут быстрее Усейна Болта или высказывают начальнику в лицо всё, что о нём действительно думают... Оказалось, я тоже не из робкого десятка.

Услышав слова Мэгги про то, что меня следует убить, я резво слетела с койки, запрыгнула на соседнюю и, скача прямо по кроватям, составленным в ряд, с боевым кличем индейцев апачи рванула прочь.

— Э-э-э... — протянула Мэгги где-то сзади. И отчаянно крикнула мне в спину: — Да не бойся ты! Я просто пошутила!!!

Хреновое же у тебя чувство юмора, Маргарет, если так.